

Большая стратегия Китая

У.Б. Кудаяров

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)

Рецензия на книгу: Doshi R. 2021. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. The USA: Oxford University Press. 432 p.

Ключевые слова: Китай, китайская великая стратегия, внешняя политика, великодержавность, мировой порядок, подъём Китая

Возвышение Китайской Народной Республики (КНР, Китай), несомненно, станет одной из величайших драм XXI в. Экстраординарный экономический рост и активная дипломатия Китая уже трансформируют многие регионы мира, а в последующие годы китайская мощь и влияние будут ещё больше возрастать.

По мере усиления могущества Китая и ослабления позиций Соединённых Штатов Америки (США, Соединённые Штаты), скорее всего, произойдет то, что Д.А. Дегтярев со своими коллегами ожидает (Дегтерев, Рамич, Цвык 2021). Мир вступит в новый этап — возможно, не такой драматичный, как после Второй мировой войны, но тем не менее новый, когда архитектура международного порядка снова будет открыта для формирования и перестройки. Другие державы, конечно, также будут стремиться влиять на эти основополагающие правила и институты и формировать их. Между тем Соединённые Штаты и Китай, обладая уникальным могуществом, имеют возможность возглавить борьбу за принципы и логику организации мирового порядка в XXI в.

В течение многих лет западные правительства предполагали, что Китай без особых трудностей присоединится к существующей международной системе, её архитектуре, институтам, ценностям и нормам, лежащим в их основе, и будет поддерживать их (Ikenberry 2008). У Пекина не было причин стремить-

УДК: 327.82

Поступила в редакцию: 11.07.2022 г.

Принята к публикации: 20.12.2022 г.

ся к пересмотру или преобразованию системы, от которой он так много выиграл, особенно после вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. Однако с момента прихода к власти председателя Си Цзиньпина Китай намерен не только занять на мировой арене центральное положение, соответствующее его экономической и военной мощи, но и перестроить элементы существующей системы, чтобы она лучше соответствовала его взглядам и интересам (Lams 2018).

Китайские государственные служащие и аналитики всё чаще высказываются о том, что Америка потеряла статус главной мировой державы, или по крайней мере подчёркивают, что Вашингтон не в состоянии справиться с этим статусом. Куда сейчас движется китайское «хеджирование»¹ против системного лидера, менее ясно, но Пекин ведёт себя так, будто разрабатывает стратегии, которые позволяют ему обойти США². Официальные заявления государственных чиновников высокого уровня Китая содержат некоторые важные подсказки, дополнительные сведения можно получить из работы R. Doshi «The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order».

Рецензируемая работа представляется одной из самых значительных попыток понять становление Китая в качестве глобальной державы. Книга, написанная Рашем Доши, бывшим сотрудником Брукингского института, ныне – сотрудником Совета национальной безопасности администрации Джо Байдена, базируется на строгих подходах к социально-научным исследованиям и различных источниках с ранжированием их по уровню авторитетности, и имеет чёткую структуру повествования.

Книга состоит из тринадцати глав, которые в совокупности образуют три основные части. Структура книги позволяет продемонстрировать развитие внешнеполитического позиционирования Китайской Народной Республики, давая тем самым возможность понять эволюцию и преемственность в восприятии международной политики китайскими лидерами на протяжении более чем сорокалетней истории. Согласно аргументу Доши, после окончания холодной войны Китай проводит «грандиозную» долгосрочную стратегию, направленную на изменение порядка, установленного США, сначала на региональном уровне, а по мере достижения успеха в этом направлении – и на глобальном.

Намерения, как известно, трудно поддаются оценке, поэтому, чтобы пролить свет на них, Доши ищет свидетельства большой стратегии в авторитетных текстах, институтах национальной безопасности и поведении государства. Автор делает акцент на первичных китайских источниках, дополняя их подроб-

¹ Сочетание развития тесных отношений с сильным партнёром при соблюдении собственных интересов и диверсификации связей с ним, дабы застраховаться от чрезмерной зависимости.

² Jan F., Melnick J. 2020. China's Challenge to America's Political and Economic Liberal Order. *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/chinas-challenge-america%E2%80%99s-political-and-economic-liberal-order-111361> (accessed 10.12.2022)

ными тематическими исследованиями, каждое из которых включает проверку гипотез и рассмотрение альтернативных объяснений действий КНР.

Доши утверждает, что поведение Китая определяется двумя переменными: разрыв силы между восходящей державой и устоявшимся гегемоном и угроза, которую восходящая держава воспринимает от гегемона. Они пересекаются, определяя стратегию восходящей державы. С учётом этого большие стратегии восходящих держав обычно, хотя и не исключительно, развиваются «последовательно от приспособления, притупления, наращивания и затем доминирования» (с. 24). И поведение Китая с точностью соответствует этому шаблону.

Этап притупления наступил тогда, когда Китай перешёл от того, чтобы рассматривать Америку как потенциального союзника во время холодной войны, особенно после дипломатии Ричарда Никсона, к тому, чтобы сначала воспринимать её как экзистенциальную угрозу, а затем – как конкурента, которого можно опередить.

Китайские лидеры были глубоко впечатлены тремя событиями, которые коренным образом изменили восприятие опасности США (глава 3): критикой со стороны США и их попытками вмешательства после событий на площади Тяньаньмэнь (1989); лёгкостью, с которой США разгромили Ирак во время Войны в Персидском заливе (1990 – 91); и распадом Советского Союза (1991). Вывод Пекина заключался в том, что Соединённые Штаты больше не были квазисоюзником, противостоящим Советскому Союзу. После того как угроза со стороны Москвы исчезла, Америка снова стала главным врагом Китая. Выдающийся лидер Китая того времени Дэн Сяопин незадолго до распада СССР отмечал: *«Проблема сейчас не в том, упадёт ли знамя Советского Союза... но упадёт ли знамя Китая»* (с. 51). Это новое восприятие угрозы, пишет Доши, стало *«горнилом, в котором должна была сформироваться новая большая китайская стратегия»*.

В 1993 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выступил на Первой Посольской конференции, одной из главных встреч Китая по вопросам внешней политики, и заявил, что *«отныне и в течение относительно длительного периода времени Соединённые Штаты будут нашим главным дипломатическим противником»* (с. 54). Но тогда Цзян Цзэминь не выступал за то, чтобы бросать вызов Америке. Вместо этого он призвал проводить внешнюю политику, известную сегодня как «прятаться и выжидать» (tao guang yang hui). Китай отказался от каких-либо иллюзий относительно возможности сотрудничества с Вашингтоном и приступил к развертыванию стратегии, направленной на продолжение выгодных торговых, научно-технических отношений и на ослабление гегемонистского влияния США без раскрытия собственных намерений в качестве восходящей державы.

С военной точки зрения (глава 4) это означало инвестиции в вооружения, которые ограничивали бы способность США обеспечивать своё присутствие в Тихом океане. Конкретным выражением данного подхода стало строительство

подводных лодок, создание морских мин и противокорабельных ракет, а не вложение инвестиций в явно наступательные вооружения, такие как авианосцы. Более того, Доши находит авторитетные китайские тексты, подтверждающие поразительное сходство структуры сил Китая со структурой сил ныне побеждённого Ирака и призывающие инвестировать в возможности «shashoujian» (булава убийцы). Это включает в себя развитие концепции сдерживания противника (обычно комплексом вооружений) путём создания повышенной опасности для дислокации или перемещения сил противника в защищаемую территорию (Anti-Access/ Area-Denial Capabilities – A2/AD) в противовес возможностям атакующей силы.

С политической точки зрения (глава 5) это предполагало стратегию присоединения к основным международным организациям, в которых доминируют США, например, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), с целью внести изменения в их функционирование и заручиться поддержкой союзников Вашингтона в Азии. Наконец, с экономической точки зрения (глава 6) стратегия заключалась в обеспечении доступа на американский рынок и гарантировании инвестиций его компаний в Китай, прежде всего через вступление в ВТО. В то время как американские лидеры рассматривали вступление в ВТО как путь к превращению Китая в более либеральную торговую державу, их китайские коллеги видели в этом способ выйти из-под контроля Америки (с. 100). Эта политика вызвала экономический бум, подобного которому мир редко видел.

Следующий поворотный момент, пишет Доши, наступил в 2008 г. с началом мирового финансового кризиса. Китай увидел в этом возможность не только продолжать ослаблять американскую мощь, но и начать формировать китайскую сферу влияния в Азии. Финансовый кризис коренным образом изменил взгляды Пекина на американскую мощь; теперь Китай увидел, что Америка значительно ослабла, поскольку её экономическая модель дала сбой (глава 7).

Доши призывает обратить внимание на выступление председателя Ху Цзиньтао на 11-й Посольской конференции Китая в 2009 г. В своём обращении Ху Цзиньтао сменил китайскую политику «прятаться и выжидать» на стратегию «активного достижения чего-либо», означающую старт этапа «наращивания» (с. 160). *«Этот, казалось бы, обыденный семантический сдвиг, — пишет Доши, — имел огромное значение».* Пекин больше не заинтересован только в ослаблении американской мощи. И в течение следующих восьми лет Китай — сначала при Ху Цзиньтао, а затем при его преемнике Си Цзиньпине — перешёл от ослабления влияния США в Азии к прямому вызову.

Китай стал гораздо более напористым, уверенным в своей способности построить мировой порядок, альтернативный Вашингтону, и создать условия для «сообщества единой судьбы» в Азии, основанного на союзе между азиатскими государствами под руководством Китая.

В военном плане (глава 8) это означает переключение внимания с противодействия вооружённым силам США на усиление собственных наступательных возможностей. Стали больше вкладываться в военное дело и проведение, разработку явно наступательных стратегий: создание авианосцев, десантных кораблей (для вторжения на Тайвань), военных баз за рубежом и военное вмешательство в другие страны с целью обеспечения их политических и экономических интересов.

В политическом плане (глава 9) новая стратегия заключалась в установлении регионального порядка в Азии, с тем чтобы Китай мог стать региональным лидером, поставщиком международных общественных благ, создать новые международные нормы, соответствующие его интересам, и изолировать США и их главного союзника в Азии — Японию. В своей собственной версии Доктрины Монро Китай начал представлять свои интересы как интересы всех стран и народов Азии, обеспечивая их путём создания новых международных организаций, например, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ – Asian Infrastructure Investment Bank).

Наконец, с экономической точки зрения (глава 10) стратегия заключалась в осуществлении ряда амбициозных проектов, направленных на интеграцию множества стран в их собственную модель развития, с тем чтобы построить экономическую взаимозависимость, которая соответствовала бы интересам Пекина и интересам других государств, и уменьшить влияние доллара США как доминирующей валюты. Конкретными примерами реализации этой экономической стратегии на сегодняшний день является «Один пояс, один путь» (ОПОП), основанный на крупных инвестиционных проектах в Азии, Африке и Европе, а также создание многосторонней и менее ориентированной на доллар финансовой среды, например, путём продвижения юаня, создания альтернативных рейтинговых агентств (с. 254) или попытки заменить международную сеть финансовых коммуникаций SWIFT (с. 250).

После избрания Си Цзиньпина на второй срок в качестве генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) в 2017 г., согласно Доши, Китай принимает решение настойчиво расширять своё глобальное присутствие.

Как и другие изменения в большой стратегии Китая, этот сдвиг в сторону больших глобальных амбиций был вызван тем, что Пекин считал необратимым разложение и упадок Запада. В 2016 г., за год до выступления Си на съезде КПК, Великобритания проголосовала за выход из Европейского союза, а Дональд Трамп был избран президентом США (с. 268). С точки зрения Китая, который очень чувствителен к изменениям в восприятии американской власти, эти два события были глобально значимыми. Самые могущественные демократии мира выходили из международного порядка, созданию которого они сами способствовали, формируя то, что руководство и внешнеполитическая элита Китая назвали «периодом исторической возможности» для расширения стратегического фокуса страны с Азии на весь мир и его системы управления.

В преддверии этих событий высокопоставленные китайские чиновники уже более смело говорили об амбициях Китая и начале «великих перемен, невиданных за столетие» (с. 267). Эта фраза, любимая Си Цзиньпином, означает оценку китайского руководства, что сама полярность международной системы изменилась навсегда: Китай возродился, а упадок Запада кажется неизбежным. Следовательно, Си стал первым председателем КПК, который никогда не использовал и отказался от термина «прятаться и выжидать» (*tao guang yang hui*).

С учётом этого повышенный интерес Китая к формированию глобального политического порядка и построению «сообщества общей судьбы человечества» проявляется в широком спектре усилий (глава 12). Доши утверждает, что данные усилия в целом помогают Китаю строить основы своего порядка и воплощаются в жизнь благодаря различным инструментам: через реформирование системы ООН; обеспечение представленности Китая в глобальных региональных организациях; формирование новых коалиций; экспорт определённых методов управления. Во всех направлениях Пекин достиг немалых успехов, что приближает руководство страны к желаемому.

Например, согласно анализу Доши, в китайских правительственных документах фиксируется то, что *«глобальное сообщество общей судьбы и инициатива ОПОП ... были включены во многие резолюции ООН и ... получили широкое признание и тёплый отклик со стороны международного сообщества»* (с. 282). Чтобы добиться влияния в ООН, Пекин воспользовался невниманием США и усердно работал над тем, чтобы поставить своих граждан на высшие руководящие посты в четырёх из пятнадцати специализированных учреждений ООН, включая Организацию Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Международную организацию гражданской авиации (ИКАО), Международный союз электросвязи (МСЭ) и Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН (ФАО). Это больше, чем у любого другого государства. Более того, Китай ранее возглавлял ВОЗ и Интерпол, в настоящее время руководит Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) и едва не стал лидером Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) в 2020 г.

Помимо участия в системе ООН и регионального лидерства в Азии, как заявляет Доши, Китай также установил отношения практически со всеми регионами мира. Наиболее значимые из них включают Форум сотрудничества Китая и Африки (FOCAC), Форум сотрудничества Китая и арабских государств (CAFCF), Форум сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы (СЕЕС, или «17+1»), а также Китай и Сообщество латиноамериканских государств (China – CELAC). Эти форумы охватывают 125 стран и формируют отношения между Китаем и регионами на двусторонней основе, а не способствуют многостороннему взаимодействию между множеством заинтересованных сторон (с. 283).

В экономическом плане, согласно Доши, Пекин полагается на технологии как центральную часть своих амбиций по вытеснению американского порядка. Ключевым компонентом китайских «великих перемен, невиданных в течение столетия», является вера в то, что мир переживает новую волну технологических инноваций, иногда называемую «четвёртой промышленной революцией», которая даёт Китаю возможность обогнать Запад (с. 286).

Этот термин, первоначально разработанный на Всемирном экономическом форуме в 2015 г., теперь принят Пекином и в целом относится к широкому спектру технологий: искусственный интеллект (ИИ), квантовые вычисления, биотехнологии и даже цифровые валюты. Пекин считает, что пересечение технологий с цепочками поставок, торговыми схемами, финансовой мощью и информационными потоками способно изменить порядок наряду с традиционными экономическими инструментами, занимавшими центральное место в китайской большой стратегии прошлого столетия. По этой причине экономические инструменты, и в частности технологии, всё чаще оказываются в центре американо-китайского противостояния за глобальный порядок.

Наконец, в военной сфере Китай постепенно смещается в сторону «офшорной» проекции силы, а именно располагать базами по всему миру, стремясь тем самым защитить экономические интересы за рубежом и обеспечить безопасность природных ресурсов. Конечная цель, по мнению Доши, заключается в том, чтобы Пекин «создаст зону сверхвысокого влияния» в своём регионе и «частичную гегемонию» в развивающихся странах, связанных с его инициативой ОПОП, которая в конце концов может распространиться и на развитые страны (с. 303).

В целом Доши демонстрирует своё видение того, как может выглядеть китайский порядок, если Китай достигнет своей цели «национального омоложения» к столетней годовщине основания Республики в 2049 г. На региональном уровне на долю Китая уже приходится более половины ВВП Азии и половина всех военных расходов Азии, что выводит регион из равновесия и ведёт к формированию китайской сферы влияния. Полностью реализованный китайский порядок может в конечном итоге включить вывод войск США из Японии и Кореи, прекращение существования американских региональных альянсов, фактическое удаление военно-морских сил США из западной части Тихого океана, поддержка/одобрение соседей Китая по региону, объединение с Тайванем и решение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Китайский порядок, скорее всего, будет более принудительным и менее консенсусным, чем нынешний, будет в первую очередь выгоден и будет считаться легитимным в основном для тех немногих, кого он непосредственно вознаграждает. Китай будет устанавливать этот порядок таким образом, чтобы нанести ущерб либеральным ценностям, а авторитаризм китайского толка сильнее распространится по всему региону. Порядок за рубежом часто является отражени-

ем порядка внутри страны, и китайский порядок будет явно нелиберальным по сравнению с порядком США.

Согласно Доши, часть стратегии по достижению такого глобального порядка уже прослеживается в речах Си. В политическом плане Пекин будет проецировать лидерство на глобальное управление и международные институты, раскалывать западные альянсы и продвигать автократические нормы в ущерб либеральным. В экономическом плане он ослабит финансовые преимущества, обеспечивающие гегемонию США, и обеспечит своё превосходство в стратегически важных отраслях «четвёртой промышленной революции» — от искусственного интеллекта до квантовых вычислений, а Соединённые Штаты превратятся в «деиндустриализированную англоязычную версию латиноамериканской республики, специализирующейся на сырьевых товарах, недвижимости, туризме и, возможно, транснациональном уклонении от уплаты налогов». В военном отношении Народно-освободительная армия Китая (НОАК) будет располагать силами мирового класса с базами по всему миру, способными защитить интересы Китая в большинстве регионов и даже в новых областях, таких как космос и морские глубины.

Подводя итоги своего исследования, Доши считает, что каким бы реальным ни был этот структурный сдвиг в балансе сил, Соединённые Штаты всё ещё могут эффективно конкурировать. Хотя наличие ядерного оружия делает прямую войну между Китаем и США самоубийственной, оно создаёт стратегическую шахматную доску для «долгой игры».

Таким образом, посвятив двенадцать глав своей работы объяснению китайской большой стратегии и её движущих сил, Доши начинает свою нормативную главу 13, посвящённую большой стратегической адаптации США.

В этой части автор призывает к эффективному использованию американских ресурсов и утверждает, что оно будет иметь большое значение в перспективе, поскольку Китай представляет собой гораздо более экономически сильного соперника, чем любая другая гегемонистская держава, с которыми сталкивались США.

Доши призывает отказаться от не приносящих результаты подходов, таких как сдерживание и подрыв режима, а также «большой сделки» с соперником. Вместо этого автор выступает за принятие роста Китая как факта, перед которым разумнее выработать стратегию, аналогичную той, которую проводил Пекин после окончания холодной войны, то есть стратегию, направленную на то, чтобы ослабить мощь Китая, избегая прямых столкновений и ограничивая его попытки стать глобальной доминирующей державой (с. 298).

При такой асимметричной конкуренции Америка может подражать собственной исторической стратегии Китая «притупления и наращивания», оптимизируя использование ресурсов и ставя «противника в невыгодное положение по соотношению затрат, тем самым затрудняя дорогостоящие инвестиции в военное принуждение и проецирование силы» (с. 318). Если Китай применяет комплекс мер A2/AD (Anti-Access/ Area-Denial Capabilities), США тоже должны

их применять. Если Китай сорвал усилия США по созданию институтов в Азии, присоединившись к ним и замедлив их изнутри, то США должны сделать то же самое с инициативами, возглавляемыми Китаем.

Что касается укрепления сферы влияния, США должны укрепить свои сильные стороны, придать импульс в альянсах, в которых состоит страна и создать международные институты с партнёрами-единомышленниками. Особенно важно для США, утверждает Доши, взять на себя обязательство по строительству внутри своей страны истинной демократии, найдя *«позитивные способы восстановления солидарности и гражданской идентичности, благодаря которым демократия работает»* (с. 334). Ссылаясь на историка Джулл Лепор, Доши призывает к *«усилиям по подчёркиванию общего либерального национализма... “нового американизма”, который был частью гражданской культуры США и может стать ею снова»* (с. 334). Доши утверждает, что китайская угроза должна стать катализатором этой цели.

Таким образом, общий посыл книги в том, что Китай начал соперничать с Соединёнными Штатами за десятилетия до того, как мировое сообщество осознало то, что находимся в состоянии соперничества великих держав, вполне обоснован. Китай — амбициозная держава, и то, чего хочет Пекин, не совпадает с интересами США и их союзников. Доши обеспечивает прочную интерпретационную основу для понимания внешнеполитических устремлений Китая и предоставляет рекомендации, как США избежать «неприемлемого для себя» его возвышения.

Повторяя знаменитый аргумент Сэмюэля Хантингтона в конце 1980-х гг., Доши предлагает вернуть тот дух «самообновления», который характеризовал Америку на многих этапах её истории. Чтобы обуздать спад, самое разумное — реформировать страну внутри и сделать её более конкурентоспособной на международном уровне, возвращаясь к инвестициям в те сектора, которые раньше были её точками силы: образование, технологии, промышленность. Такой подход позволяет, с одной стороны, избежать радикализма тех, кто видит прямое противостояние как единственный выход, а с другой — избежать иллюзий тех, кто недооценил Китай, полагая, что он согласится интегрироваться в систему западных норм и ценностей.

Впрочем, одним из возможных замечаний к книге может быть проявление признаков предвзятости её автора. На протяжении всей работы автор утверждает, что Пекин только «притупляет», строит свой мир и делает это агрессивно. Напротив, Си трансформировал внешнюю политику Китая, хотя и не так, как это обычно понимают на Западе. Несмотря на частые сравнения с Мао Цзэдуном, он не революционер, стремящийся ниспровергнуть глобальный порядок и навязать на его место китайский дивный новый мир. Он ревизионист в том смысле, что стремится максимизировать влияние и статус Китая. Но, как и его предшественники Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь и Дэн Сяопин, он стремится сделать это в рамках существующей международной системы.

В этой связи инициатива Си ОПОП не является предвестником альтернативного мироустройства. Его повестка дня более прозаична: улучшить доступ Китая к природным ресурсам; открывать новые рынки для производимых им товаров и услуг; расширить экономическое влияние Пекина на всю Евразию и обеспечить дружественное и безопасное соседство. Но даже этих более ограниченных целей Пекин посредством ОПОП не достиг³. Точно так же действия Китая в западной части Тихого океана не направлены на продвижение китаецентрической гегемонии, а отражают давние цели: демонстрация силы; получение контроля над ресурсами; решающий голос в региональной безопасности; сокращение или сдерживание американского влияния и утверждение власти над Тайванем. Такой подход вряд ли можно назвать утешительным для США, но он не нов и не радикален⁴. Поэтому стоит изучить значение того факта, что Китай не был революционной державой, стремящейся подорвать все аспекты существующей системы. Это приводит к дополнительным вопросам о том, при каких условиях Китай может пытаться «притупить» или «построить», и как Пекин достигает этих целей. Например, почему бы не построить институт отдельно от ООН, решив вместо этого установить больший контроль изнутри?

Соответственно, аргумент об уже имеющей экспансии со стороны Китая представляется также спорным. Доши отмечает, что приверженность Китая к «сокрытию возможностей и выжиданию времени» была основана на его тогдашней оценке мощи США, и что Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао указывали, что по мере того, как оценка мощи США будет меняться, будет меняться и стратегия Китая. Тем не менее это не обязательно означает, что стратегия изменится на «строительство» собственного мирового порядка. Представляется, что Китай стремился наращивать мощь, чтобы создать для себя стратегическое пространство — право решать, как он хочет использовать свою мощь⁵.

Об авторе:

Уланбек Болотбекович Кудяров – главный специалист-эксперт отдела информационного обеспечения Департамента протокола и организационного обеспечения Евразийской экономической комиссии.
E-mail: u.kudayarov@eeccommission.org

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

³ Boucher R. 2019. China's Belt and Road: A Reality Check. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/chinas-belt-and-road-a-reality-check/> (accessed 10.12.2022).

⁴ Tobin D. 2020. How Xi Jinping's 'New Era' Should Have Ended U.S. Debate on Beijing's Ambitions. *Center for Strategic & International Studies (CSIS)*. URL: <https://www.csis.org/analysis/how-xi-jinpings-new-era-should-have-ended-us-debate-beijings-ambitions> (accessed 10.12.2022).

⁵ Концепция, отраженная в авторитетных китайских трудах, таких как издание «Наука о военной стратегии» от 2013 года. Science of Military Strategy. *China Aerospace Studies Institute*. 2013. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Translations/2021-02-08%20Chinese%20Military%20Thoughts-%20In%20their%20own%20words%20Science%20of%20Military%20Strategy%202013.pdf> (accessed 10.12.2022).

UDC: 327.82
 Received: July 11, 2022
 Accepted: December 20, 2022

China Grand Strategy

U.B. Kudaiarov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-206-217)

Eurasian Economic Commission (EEC)

Book review: Doshi Roshi. 2021. *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. The USA: Oxford University Press. 432 p.

Keywords: China, Chinese grand strategy, foreign policy, great power, world order, China's rise

About the author:

Ulanbek B. Kudaiarov — Chief Specialist-Expert of the Information Support Unit of the Protocol and Organizational Support Department of the Eurasian Economic Commission.
 E-mail: u.kudayarov@eeccommission.org

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Ikenberry G.J. 2008. The Rise of China and the Future of the West-Can the Liberal System Survive. *Foreign Affairs*. №87. P. 23–37.

Jones L., Zeng J. 2019. Understanding China's "Belt and Road Initiative": Beyond "grand strategy" to a State Transformation Analysis. *Third World Quarterly*. 40(8). P. 1415–1439. DOI: 10.1080/01436597.2018.1559046

Lams L. 2018. Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping. *Journal of Chinese Political Science*. 23(3). P. 387–411. DOI: 10.1007/s11366-018-9529-8

Shishkov V. 2014. Stanovlenie i razvitiye gegemonii SShA: imperskoe dominirovanie i globalizatsiya v XX v [Formation and Development of the US Hegemony: Imperial Dominance and Globalization in the 20th Century]. *Century of Globalization*. №1. P. 133–146. (In Russian)

Degterev D., Ramich M., Tsyvk A. 2021. SShA – KNR: «vlastnyy tranzit» i kontury «konfliktnoy bipoljarnosti» [U.S.-China: "Power Transition" and the Contours of a "Conflict Bipolarity"]. *Vestnik (Herald) of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: International Relations*. 21(2). P. 210–231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-21-231 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. 2021. США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности». *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения*. 21(2). С. 210–231. DOI:10.22363/2313-0660-2021-21-2-21-231

Шишков В.В. 2014. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. *Век глобализации*. №1. С. 133–146.